

ГЛАВА 9

УДМУРТСКИЙ ЭТНОС НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Владимир ВЛАДЫКИН,
доктор исторических наук,
профессор Удмуртского
гос. университета*

В обширном сообществе народов России весьма существенную роль играют финно-угорские (уральские) этносы, занимающие практически весь европейский Север, Волго-Камье и Зауралье, то есть некогда бескрайние лесные «полунощные» земли, нередко «освоенные» только многочисленными мифами и преданиями. Уральскую (урало-юкагирскую?) языковую семью составляют около 20 этносов общей численностью около 25 млн. человек (в СНГ это сопоставимо с кавказской языковой семьей). Один из них – удмурты. Однако об уральцах и особенно удмуртах в мире и даже в самой России знают мало. Однажды на мое предложение написать статью об удмуртах редактор весьма солидного столичного журнала заметил: «А что о них писать? Нормальный народ, не кочуют, не воруют». Действительно, удмурты не экзотичны, как чукчи, не ярки, как кавказцы или цыгане, может быть, поэтому они мало известны¹.

Удмурты (прежнее название – ары, аряне, арские люди, чудь вотяцкая, отяки, вотяки) – издревле живущий в Прикамье народ численностью около 750 тыс. человек (по переписи 1989 г.). Этот сравнительно небольшой народ имеет большую историю.

1. Общая характеристика (местоположение в финно-угорском мире, язык, антропологический тип, этногенез)

Как уже отмечалось, по языку удмурты принадлежат к финно-угорской группе (занимая в ней по численности 2-е место после мордвы в России и 5-е место в мире), куда входят также венгры, финны, мордва, эстонцы, марийцы, коми, карелы, ханты, манси, саамы (лопары) и др. Самые дальние родственники удмуртов по языку – это венгры на Дунае, ханты и манси на Оби. Тем не менее, если удмурт спросит на своем языке в будапештском гастрономе «Вöй вань-а?» («Масло есть?»), его поймут, потому что по-мадьярски это звучит примерно также. Имя великого венгерского поэта Шандора Петефи по-удмуртски звучит Сандыр Петырпи. Конечно, это скорее исключительные, нежели типичные примеры, ведь удмуртский и мадьярский языки, несмотря на их древнее родство, довольно далеко в буквальном и переносном смысле отошли друг от друга. Однако лингвисты находят в удмуртском языке около 1000-1200 общих для финно-угров слов². Вот некоторые из них: *глаз* – удм. *син*, коми *син*, мар. *сензя*, морд. *сельме*, фин. *сильма*, венг. *сем*; *дерево* – удм. *пу*, коми *пу*, мар. *пу*, фин. *пуу*, венг. *фа*; *стрела* – удм. *ньол*, коми *ньол*, морд. *нал*, фин. *нуоле*, венг. *ньил*; *кость* – удм. *лы*, коми *лы*, мар. *лу*, фин. *луу*, манс. *лу* и т.д.³ Наиболее близки языки удмуртский и коми (около 80% слов общего происхождения), примерно так же, как польский и русский языки⁴. Вместе они составляют пермскую ветвь финно-угорских языков. Языковые параллели могут говорить как об общности происхождения финно-угров, так и о прямом или опосредованном этнокультурном взаимодействии. Так, удмурты имели с марийцами и особенно с коми постоянные связи, что сказало на их языке и культуре.

Письменность на удмуртском языке была создана в XVIII в. на основе кириллицы с добавлением букв: *з̣, ж̣, ч̣, й̣, ö* (в 20-е годы XX в. началось и в последнее время возобновилось обсуждение вопроса о возможности перехода на латинскую графику). Первая научная грамматика удмуртского языка была опубликована в 1775 г. (ее создателем считается казанский архиепископ Вениамин – В.Г.Пуцек-Григорович). Книгопечатание на удмуртском языке началось в XIX в., тогда же по-

явились первые календари, газеты. Выделяют северное, южное и периферийные диалекты. Литературный язык складывается на основе срединных говоров. В 1995 г. правительственным постановлением была создана и успешно функционирует термино-орфографическая комиссия, призванная оптимизировать сложные процессы развития и обновления удмуртского языка.

В антропологическом отношении удмурты относятся к малой уральской расе, которой присуще преобладание европеоидных черт с некоторыми элементами монголоидности, к ее вятско-камскому сублапаноидному типу. Дискуссионным остается вопрос об удмуртской монголоидности: является ли она результатом длительного взаимодействия европеоидной и монголоидной рас или это продукт древней адаптации к местным условиям? Скорее всего второе⁵. Отличительной особенностью антропологии удмуртов является их высокий индекс рыжести, по этому признаку они превосходят даже «мировых чемпионов по златоволосости» – кельтов-ирландцев⁶. Между тем рыжий цвет волос в антропологии считается довольно загадочным. Ясно одно, что его сопровождает целый комплекс специфических черт как внешнего (солнце «пристрастно» к рыжим: они не загорают, а часто обгорают; раны у них заживают медленнее, отсюда удмуртское выражение «азйсь силь» – «воспаляющееся мясо/кожа»), так и внутреннего, душевного свойства. Для удмуртов характерна обидчивость, ранимость, уязвимость, «стеклянная хрупкость». Их телосложение нельзя назвать богатырским, однако они крепки и удивительно выносливы. Удмурты среднего роста, с белой, реже смуглой кожей, часто с голубыми глазами, слегка уплощенным лицом, нередко скуластые, иногда встречается эпикантус. Несмотря на сложность и условность психологических характеристик, вслед за путешественниками и исследователями XVIII-XIX вв. можно утверждать, что удмурты в большинстве своем миролюбивы, доброжелательны, гостеприимны, «склонны более к веселию, нежели к печали»⁷. Подчеркивается их стеснительность до робости, сдержанность чувств до скрытности и замкнутости, бережливость до скупости, терпеливость до самопожертвования, настойчивость до упрямства. Естественно, исторические перемены, контакты с самыми разными этносами не могли не сказаться на внешних и внутренних характеристиках современных удмуртов.

О прародине финно-угров было много споров. Одни считали, что она находится где-то в предгорьях Алтая и Саян; другие искали ее в Центральной Германии и Скандинавии; третьи были убеждены, что финно-угры пришли из Индии. В настоящее время большинство исследователей полагает, что основная территория формирования и древнейшего расселения финно-угорских народов находилась в Приуралье в широком смысле слова (Волго-Камье, Средний Урал и Зауралье). Финно-угорская общность существовала, очевидно, в эпоху развитого неолита, в III тыс. до н.э., а затем начала распадаться на отдельные ветви, что в конечном итоге привело к формированию современных финно-угорских народов. Один из первых и главных вопросов, который неизбежно встает перед специалистами по этнической истории: «откуда есть пошел народ». Современное состояние исторической науки позволяет утверждать, что основой для формирования финноязычных удмуртов послужили автохтонные племена междуречья Вятки и Камы, создатели ряда последовательно сменявшихся здесь археологических культур. Необходимо учитывать и влияние широкого этнокультурного и хронологического спектра, оказываемое на развитие местных племен со стороны их этнических соседей: древних иранцев, угров и тюрков⁸.

Об истоках собственно удмуртского этногенеза мы можем достаточно уверенно говорить с ананьинской археологической культуры (VIII–III вв. до н.э.). Очевидно, ананьинцы – общие предки удмуртов, коми и марийцев⁹. На базе ананьинской культуры вырос ряд локальных культур первых веков н.э.: гляденовская (Верхняя Кама), осинская (Средняя Кама, устье р. Тулвы), пьяноборская (устье р. Белой)¹⁰. Полагают, что гляденовцы – предки коми, а осинцы и пьяноборцы – древние удмурты. По всей вероятности, в тот период и начался распад пермской этнолингвистической общности. В первой половине I тыс. до н.э. часть населения с Камы ушла на Вятку и ее приток Чепцу. Здесь, в Чепецком бассейне возникла новая археологическая культура – полумская (III–IX вв.). Ее сменила чепецкая (IX–XV вв.), которая прослеживается до того времени, когда появились первые письменные источники по удмуртам¹¹.

У удмуртов сохранились легенды о том, что когда-то удмуртское племя Ватка жило на р. Вятке¹². Об этом свидетельствует и «язык земли» – топонимика: на Вятке очень много удмуртских топонимов, кото-

рые неоспоримо доказывают, что когда-то здесь жили удмурты. Особенно густо они населяли местность около современного г. Кирова. В одном из преданий рассказывается, что на месте будущего города находилось большое удмуртское поселение с Великой куалой – родовым святилищем¹³. Где-то на рубеже I-II тыс. н.э. удмурты, жившие на Вятке, составляли древнеудмуртскую общность. Тогда же мог появиться этноним «удмурт», который, по-видимому, генетически восходит к болгарскому названию р. Вятки – Вăты («вăt-мурт» – «от-мурт» – «ут-мурт» – «уд-мурт»: человек с Вятки). Существуют и другие толкования этимологии и семантики этнонима «удмурт»¹⁴. В русском звучании он приобрел форму «вотьяк»: к древнему корню «вăt» был прибавлен словообразовательный суффикс (ср.: перм-як, сибир-як). В условиях царской России с ее неравной политикой по отношению к инородцам слово «вотьяк» воспринималось удмуртами как уничижительное и даже оскорбительное (ср.: мари – «черемисы», украинцы – «хохлы», евреи – «жиды» и т.д.). Но при создании государственного образования удмуртов (4 ноября 1920 г.) оно было официально названо «Автономная область вотского (вотьякского) народа» и лишь в 1932 г. переименовано в Удмуртскую АО, а в 1934 в. – в АССР. На бытовом уровне этноним «вотьяк» встречается порой и сейчас, что порождает массу обид. На Западе в научной литературе до сих пор по традиции иногда используют экзоэтноним «вотьяки», хотя все чаще обращаются к эндоэтнониму народа. Самоназвание «удмурт» зафиксировано с XVIII в.¹⁵

2. Контакты с другими народами

Древние удмурты испытали длительное этнокультурное воздействие со стороны тюрков. Удмуртско-тюркские связи, начавшиеся еще в I тыс. н.э., усилились в болгарское и татарское времена. Они сыграли определенную роль в формировании некоторых сторон культуры и быта удмуртского народа, особенно его южной группы. От тюркских соседей удмурты получили имя «ар». Оно встречается с XII в.¹⁶, а татары и сейчас называют удмуртов арами. Это название попало в некоторые русские источники, где удмурты известны как «аряне», «арские люди» (отсюда – город Арск, Арское поле, Арская улица в Казани).

В конце I тыс. н.э. марийские племена, которые вышли к Вятке, заставили потесниться древних удмуртов, которые перешли на левый берег реки и заселили бассейн рек Кильмези и Валы¹⁷. Многие удмуртские легенды повествуют о столкновениях удмуртов с марийцами из-за земли. В легендах все решали состязания богатырей: кто дальше перебросит ногой кочку через реку, тот и будет здесь жить. Удмуртский богатырь оказался сильнее, и марийцам, несмотря на их хитрость (их богатырь подрезал кочку), пришлось отступить. В действительности же марийцы проникли довольно далеко вглубь удмуртских поселений (топонимы на *-нер* – Кизнер, Сизнер – явно марийского происхождения). Другая часть удмуртов ассимилировалась в русских поселениях на Вятке. Третья ушла на Чепцу, где удмурты жили еще раньше. К концу XVII в. они в основном заняли территорию нынешнего расселения.

В 1174 г. многочисленная дружина ушкуйников отправилась из Новгорода Великого на судах вниз по Волге. Доплыв до Камы, они построили на ее берегу укрепленный городок. Часть ушкуйников поднялась по Каме, другая отправилась вверх по Вятке и покорила живших там чудь и вотяков. Довольно долго считалось, что так было положено начало русской колонизации Вятского края. Но уже к концу XIX в. выяснилось, что «Повесть о стране Вятской», или «Вятский летописец», благодаря которой бытовало это мнение, – довольно спорный источник и содержит весьма неоднозначные, а порой и вовсе неверные сведения¹⁸. Сам термин «ушкуй» появился лишь в XIV в., впервые он встречается в летописи под 1320 г., поэтому «ушкуйники» никак не могли появиться на Вятке в 1174 г.¹⁹ Тем не менее исторические связи удмуртов со славянским миром достаточно древние. Об этом свидетельствуют и славянские находки в археологических памятниках Удмуртии. Первые русские поселенцы появились на Вятке, видимо, во второй половине XIV столетия. Спасаясь от татаро-монгольского ига, особенно после битвы на р. Пьяне (1377 г.), когда царевич Арапша подверг страшному опустошению Нижегородско-Суздальскую землю, часть ее населения бежала на север и северо-восток, некоторые из нижегородцев и суздальцев нашли себе прибежище в глухих вятских лесах. Приходили сюда поселенцы и из других русских земель. К концу XIV в. Вятская земля стала вотчиной нижегородско-суздальских князей, а позднее, после длительной и тяжелой междоусобицы попала под власть Москвы²⁰.

3. Арские князья

Известный отечественный историк Н.И.Костомаров был вынужден заметить: «Нет ничего в русской истории темнее судьбы Вятки и земли ея»²¹. Действительно, многие стороны вятской истории до сих пор остаются неясными и изобилуют загадками. Одной из них является происхождение арских князей. Известно, что этим именем назывались татарские владыки, правившие южными удмуртами на правом берегу Камы, где те составили особую податную область – Арскую даругу, центром которой был Арский городок (ныне Арск). И вдруг арские князья появляются на Вятской земле, причем тоже в качестве князей, только теперь они владеют уже северными удмуртами, живущими на Вятке и Чепце. Как это произошло? Существует два основных мнения: арские князья принимали участие в походе татарского царевича Бекбута на Вятскую землю в 1391 г. и остались там на правах победителей²²; суздальские князья Василий и Семен Дмитриевичи, которые владели Вяткой как своей вотчиной, в сепаратистской борьбе с Москвой искали поддержку у татар и в 1399 г. совместно с царевичем Ейтяком (Сентяком) взяли штурмом и ограбили Нижний Новгород, а в оплату за этот поход или в целях собственной безопасности поселили татар в с. Карине (поэтому их называют каринскими) неподалеку от устья р. Чепцы и передали им во владение удмуртов²³.

4. Вхождение в состав Русского государства

«В лето 6997 тое же весны июня в 11 день (11 июня 1489 г. – *В.В.*) посылал князь великий Иван Васильевич Всеа Русии рать свою на Вятку за их неисpravление князя Даниила Васильевича Щеня да Григория Васильевича Морозова Попляву и иных воевод со многою силою. Они же, шедше, гряды Вятцкие взяша, а Вятчан людей к целованью приведоша, а арских князей и иных агарян к роте приведоша»²⁴, – рассказывает летопись о присоединении Вятской земли к Великому княжеству Московскому. Вместе с вятчанами – русскими людьми в состав Московского государства вошли и северные удмурты, которых летопись упоминает как «иных агарян»²⁵. Они были «к роте приведо-

ша», то есть к присяге на подданство великому князю. Южные удмурты в Арской земле, которая сначала находилась во владении Булгарского государства, а затем Казанского ханства, вошли в состав подданных Русского государства в 1552 г., когда Казань покорилась Москве. «Лето 7061 (1552 г. – *В.В.*) о посылке по улусом (район, селение. – *В.В.*). А сам государь послал по всем улусом черным людям ясачным (простой люд, который платит ясак-подать. – *В.В.*) жалованные грамоты опасные (охраненные грамоты. – *В.В.*), чтобы шли к государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем Бог мстил, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем.

Арьские люди к царю государю бити челом. И прислали к государю Арьские люди челом Казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, хто бы им сказал царево жалованное слово, а их събрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шерть (присяга, клятва. – *В.В.*), поехали к государю...

Того же дни (октября 6) выбрал царь и государь воевод, кого ему оставите после себя в Казани, большего боярина и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого – тому в царево место управляти велел – да боярина Князя Василя Семеновича Серебряного и иных воевод многих, да с ними оставил дворян своих болших и детей боярских многих и стрельцов и казаков. Государю били челом Арьские люди», – так было записано в Патриаршей, или Никоновской, летописи о вхождении Казанского ханства со всеми его подданными, в том числе и южными, арскими удмуртами, в состав России²⁶. Они «всею землею государю бьют челом и ясаки дают»²⁷. Постепенно, после весьма непростых коллизий обе группы удмуртов оказались в едином государственном объединении, и их судьба стала неразрывно связанной с Россией.

После присоединения Вятки на ней было установлено обычное для Московского княжества административное устройство. Она управлялась присылаемыми из Москвы воеводами и наместниками. Местная феодально-торговая знать (вятчане «большие», «земские» и «торговые» люди) частью была «изведоша», а частью в целях предотвращения антимосковских выступлений «разведена» по московским городам. На их место посадили верных Москве людей, преимущественно устюжан²⁸. Московское правительство поощряло переселение русских людей во

вновь присоединенные земли. На Вятке до сих пор живут потомки этих переселенцев, носящие фамилии Устюжанины, Лузянины, Вычужанины, Вылегжанины, Перминовы, Пермяковы и т.п., которые ясно указывают на родные места переселенцев. Русские люди селились в основном в «городках» по рекам, не проникая вглубь территории Вятского края. Больших столкновений с автохтонами, видимо, не было, что вполне естественно при обилии свободной земли и малонаселенности Вятки. Фактически край колонизировала не московская администрация, а русские вольные «черносошные» крестьяне, которые постепенно, в течение нескольких столетий, заселяли вятские места. С XIV-XV вв. можно говорить о прямом и все усиливавшемся (особенно в советскую эпоху) культурном и этническом влиянии русских на удмуртов. Естественно, это был двусторонний процесс, взаимовлияние, хотя взаимодействующие стороны не были равными.

В отношении удмуртов великокняжеская власть проводила особую, довольно гибкую и дальновидную политику. Их оставили во владении арских князей, за которыми было сохранено право «ведати и судити... и пошлину имати»²⁹, но «за их службу». Московскому царю в период его длительной и трудной борьбы с Казанским ханством было важно иметь верных союзников в лице арских (каринских) татар, поэтому за ними были сохранены их владения. А когда Казань была покорена, положение арских князей изменилось: в 1588 г. удмуртов вывели из-под их власти, теперь они должны были платить «оброк за все про все» в 500 рублей «меж собой верстаючись» прямо в царскую казну³⁰. Господство каринских татар, длившееся около двух столетий, закончилось.

Вопрос о социальном строе удмуртов накануне присоединения к Русскому государству остается дискуссионным. В XV-XVI вв. удмурты, по-видимому, находились на стадии перехода от общинно-родовой организации к классовым (раннефеодальным) отношениям. Этот процесс в силу неблагоприятной социально-политической ситуации, сложившейся в крае в первые века II тыс. н.э., затянулся, не успел завершиться и приобрести законченные формы (эта замедленность, незавершенность развития будет характерной чертой удмуртского социума и в последующие эпохи). Его можно охарактеризовать известной формулой переходного периода «уже не – еще не...». С присоединением к России удмуртский мир целиком и разом был включен в общefeодальную си-

стему государства. В результате социальный строй удмуртов своеобразно трансформировался: развитые феодальные отношения наложились как бы сверху, внутри же удмуртского этноса еще долго продолжали сохраняться структурообразующие единицы иного социально-экономического порядка (*веме* – формы коллективной взаимопомощи родственников, *кенеш* – общинный сход, *воршуд* – социально-культурное объединение, ведущее свое происхождение от тотемической эпохи, и т.д.). Незавершенность форм социальной организации, многоукладность системы хозяйствования создавали множество проблем в развитии средневекового удмуртского общества. Очевидно, можно утверждать, что с середины II тыс. был прерван обусловленный преимущественно внутренними факторами ход исторического развития, с этого времени доминирующую роль стало играть внешнее воздействие. Вместе с тем, вхождение удмуртского народа в состав русского централизованного государства имело в исторической перспективе прогрессивное значение: ускорился процесс социально-экономического развития, все группы оказались в рамках единого государства – появились объективные условия для сложения удмуртской народности.

Новая эпоха в истории удмуртского народа, как и других народов России, наступила после Октября 1917 г., когда произошли революционные изменения во всех сферах политической, хозяйственной и этнокультурной жизни. Четвертого ноября 1920 г. впервые в истории была учреждена государственность удмуртского народа в виде автономии.

5. О бесермянах

Среди северных удмуртов живет небольшая этническая группа загадочного происхождения – бесермяне (по переписи 1926 г. – около 10 тыс. чел., позднее все были записаны удмуртами). Бесермяне говорят на удмуртском языке, но у них много тюркских черт. Одни исследователи считали, что это обудмуртившиеся тюрки; другие находили, что они близки к чувашам; третьи видели в них потомков болгар, говорящих на удмуртском языке (некоторые полагали, что бесермяне – не кто иные, как... печенег)³¹. Все эти суждения имеют один недостаток: не учитывается тот факт, что часто отдельные группы удмуртов перехо-

дили на тюркский язык, но в истории не зафиксировано обратного явления. Кроме того, язык бесермян имеет много общего с южными диалектами удмуртов, хотя живут они сейчас среди северных. Вероятно, некогда бесермяне соседствовали с южными удмуртами и испытали сильное воздействие со стороны тюркского населения, особенно их религии. Не случайно удмурты еще в XVII в. жаловались в своих челобитных на татар, что те их «обусурманивают в свою татарскую веру»³². Скорее всего, бесермяне – часть южноудмуртского населения, очень рано отошедшая от него, перешедшая в ислам – государственную религию Волжской Булгарии, испытавшая сильное тюркское влияние и позднее, после разгрома болгарского государства попавшая на Чепцу. В этническом оформлении бесермян возможно участие какой-то болгарской группы, родственной позднее чувашам, – отсюда и некоторые чувашско-бесермянские параллели в традиционном костюме и т.д. В наше время любопытный процесс можно наблюдать в некоторых периферийных удмуртских деревнях, в частности, в Бавлинском районе Татарстана, где чересполосно живут удмурты и чувашаи, там часть чувашей (бесермян?) переходит обратно в удмурты.

В последние десятилетия в этнокультурной жизни бесермян происходят существенные изменения: заметен рост этнического самосознания (особенно среди интеллигенции), создано «Общество бесермянского народа» (1990 г.), проводятся съезды бесермян, организуются выставки, фестивали бесермянской культуры. В июне 1992 г. Президиум Верховного Совета Удмуртской Республики принял Постановление «О восстановлении имени бесермянского народа». Возвращен их исторический этноним, они включены в реестр народов России. Активизируются исследования по бесермянской проблеме, разработан научно-исследовательский проект «Бесермяне».

6. Хозяйство и быт

Удмурты – народ в основном лесной полосы. Неслучайно чувашаи называли удмуртов «арсури» – «лесовики», «лешаки». Лес оказал большое воздействие на формирование всего их хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры. Вятский край был покрыт дрему-

чими таежными чащами, изобиловавшими дичью. Даже гербом этой земли было изображение лука со стрелами. Еще Булгария получала большую часть своей пушнины с Вятки. Да и в XVI в. С.Герберштейн писал, что лучшие шкурки белок в Москву привозятся с Вятки³³. В XVII в. в царских грамотах на Вятку в числе прочих податей непременно упоминается «мягкая рухлядь», особенно «карие бобры»³⁴. О значении, которое имела охота для удмуртов, говорит хотя бы тот факт, что у них долго служила в качестве всеобщего торгового эквивалента, своеобразной денежной единицы, как и в Древней Руси, беличья шкурка – «коньи»; сейчас это слово означает «копейка». Излюбленным (как и у многих финно-угров) занятием удмуртов являлось бортничество, они слыли прекрасными пчеловодами. Мед и воск были важной статьей дохода, в удмуртском языке сохранилось много терминов, связанных с пчеловодством, были и особые, «пчеловодные» песни; биологи обнаружили в Удмуртии особый вид пчелы – «пчелу удмуртскую». Этническая территория удмуртов – Камско-Вятское междуречье (Волго-Камье) – покрыта многочисленными реками и поражает обилием родников (не случайно Удмуртию называют родниковым краем). Здесь издревле занимались рыбной ловлей. Одна из групп удмуртов называется «калмез», это слово имеет общефинский корень «кала» – рыба. Удмурты ставили верши, морды, сети, лучили острогой, ловили ценные породы рыб: стерлядь (отсюда название бывшей царской слободы, а ныне города Сарапула – «желтая рыба»), белугу, тайменя, форель, хариуса (считался у удмуртов священной рыбой).

Однако довольно рано главной отраслью комплексного хозяйства удмуртов стало земледелие³⁵, и фактически до сих пор абсолютное большинство удмуртов – крестьяне. Несмотря на использование самых простых орудий труда (соха, косуля, деревянная борона; железный плуг появился лишь в конце XIX в.), удмурты достигли заметных успехов в земледелии. Один из путешественников, посетивший эти места в XVIII в., при виде заботливо возделанных полей восхищенно заметил: «Нет в Российском государстве ни одного народа, могущего с ними в трудолюбии сравниться»³⁶. В отчетах вятских губернаторов XIX в. постоянно подчеркивается: «Главнейше трудолюбивы к хлебопашеству вотяки»³⁷; «Земледелие у вотяков есть главный предмет занятий, и надобно сказать, что они могут служить лучшими образцами трудолюбия»³⁸; «... вотяки считаются если не лучшими, то прилежнейшими земледельцами»³⁹.

На не очень плодородной земле (лесные подзолы, супесы, суглинки), которую сейчас называют Нечерноземьем, в условиях весьма сурового климата, в зоне «рискованного земледелия», по нынешней терминологии, удмурты-хлебопашцы вынуждены были использовать все свои силы (часто это была сверхэксплуатация самих себя), знания, умения, чтобы получить хороший урожай. Они нередко снимали рекордные сам-20, сам-40 (40 ц, 80 ц с га). Однако часто был и недород, и голод. Поэтому удмуртский земледелец старался ухаживать за полем больше, чем за своим домом.

Из домашних ремесел удмуртов следует отметить обработку дерева, кости, металлов, кожи – «мужское дело», из женских занятий выделяются обработка конопли, льна, приготовление домашнего пива (сур) и водки (кумышка). Последнюю удмуртам в основном разрешали делать даже в условиях государственной монополии на винокурение как необходимый и важный атрибут молений. Все результаты «домашнего производства» были рассчитаны в основном на внутреннее потребление в условиях комплексного хозяйства, т.е. практически все необходимое для своего жизнеобеспечения удмуртские крестьяне производили сами. На базарах и в лавках покупали немного, в основном соль, сахар, конфеты, керосин, некоторые ткани, нитки, украшения, «городскую» одежду, обувь и т.п.

7. Духовная культура

Значительный интерес представляет духовная культура удмуртов, особенно устное народное творчество. Удмурты немногословны и не любят болтунов. «У него язык остер, да руки тупы», – говорят они. Однако они знают цену слову: «Ветер горы рушит, слово народы подымает»; «Красота подбородка – борода, красота разговора – умное слово»; «Сердечное слово три зимы греет». В пословицах и поговорках отражена мудрость народа, копившаяся тысячелетиями.

Очевидно, нет такого народа, который не имел бы мифов о сотворении мира и не задумывался, что же является первопричиной всего? Удмуртские космогонические представления поражают материалистичностью. «Раньше всего во всем свете кругом была вода», – повествует

одна из легенд. «Дул ветер, собирая землю в одну грудку, лил дождь, изрывая водой собранную ветром землю. Так вот и произошли горы и доли», – говорится в другой легенде. Важное место в фольклоре удмуртов занимают былички, предания, сказки. Сюжеты многих из них перекликаются с сюжетами русских народных сказок, что вполне понятно: удмурты давно живут в тесном содружестве с русским народом. Иные удмуртские сказки весьма оригинальны и самобытны. Вот начало одной из них: «В некотором царстве, в некотором государстве не взошел овес». По утверждению попа, который был членом комиссии Инмара (бога), крестьяне не заплатили налога Илье Антоновичу (Илье-пророку). К тому же выясняется, что в небесной канцелярии царит беспорядок – никто не знает, кто за что отвечает, – поэтому долго не было дождей и не взошел овес. Еще одна сказка повествует о том, как некий бесстрашный дворянин все перевидал и испытал – и разбойников раскидал, и чертей из дворца выгнал, а вот обыкновенного ерша чуть до смерти не испугался. Третья в весьма любопытной форме сообщает о том, как Петр I стал кумом мужика. Много сказок посвящено труду: охотничьему, крестьянскому. Например, Эш-Терек был непобедимым великаном, а сила его в том, что он был неразрывно связан с землей-кормилицей.

Народное творчество удмуртов невозможно представить без песен мелодично-напевных, многоголосых: хороводных, игровых, гостевых, эпических. Среди старых удмуртских песен было больше грустных, от которых щемит сердце. В них слышится боль души, страдания народа. Удмурты, обреченные на трудное существование, жаловались на тяжелую долю, безысходную нужду и лишения. Песни занимали исключительное место в фольклоре удмуртов и по удельному весу, и по значению. Наверное, это один из самых поющих народов, недаром удмурты говорят: «В руках гусли, а в сердце – песня», «Удмурт и с мельницы едет с песней». Песня сопровождала их всю жизнь: рождался человек – в его честь складывали песню, умирал человек – его жизнь славили и прощались песней. Свадьба не начиналась, пока торо (тысяцкий) не давал песенный зачин. Устраивались песенные состязания, кто кого перепоеет. Когда юноша уходил в армию, он часто сочинял свои слова на общую мелодию рекрутской песни. Когда приезжали гости, хозяева встречали их хлебом-маслом-медом и гостевой песней, гости привозили ответные песни. Людей, которые не умели петь, насмешливо назы-

вали «паллян кырзась» (буквально «поющий влево»), что с него взять, если он даже петь не умеет, совсем никудышный человек.

Очень многообразно и самобытно и декоративно-прикладное искусство удмуртов. В целом для него характерны утилитарность и функциональность. Так, к примеру, корка – дом удмуртов – почти не имеет украшений, кроме глухой, трехгранновыемчатой или скобчатой резьбы на монументальных срубных воротах и наличниках. Но пропорции, игра света и тени на тщательно подобранных бревнах сруба, который готовился несколько лет, оптимальная соотнесенность с наклоном двускатной крыши «на самцах» и т.д. делают его безупречным архитектурным сооружением. Пожалуй, самыми выразительными постройками крестьянской усадьбы были двухэтажные кеносы – амбары, своеобразные женские жилища. Сколько было снох в семье, столько стояло кеносов (от удм. «кен» – сноха) на дворе. Традиционный удмуртский женский костюм был одним из самых сложных и красочных в Поволжье. Он «строился» по высоким законам народной красоты и практической целесообразности и выполнял сложные ритуально-мифологические функции. Это был целый макрокосм в микрокосме, где каждая деталь играла важную символическую роль. Удмурты достигли высшего мастерства в полотняном фольклоре, они использовали самые разнообразные виды техники вышивки и ткачества. В традиционной этнокультуре удмуртов используется преимущественно классическая цветовая триада: белый-красный-черный, она положена и в основу высших государственных символов Удмуртской Республики – Герба и Флага (художник Ю. Лобанов).

8. Религия

У каждого народа есть нечто особенное, что представляет всеобщий интерес, у удмуртов это религия. Не случайно в удмуртоведении больше всего публикаций о религии.

Древние религиозные верования удмуртов группируются в основном вокруг двух главных стержней: семейно-родовых и аграрных культов. Прочие (знахарство, ведовство, шаманизм, тотемизм) отступают на второй план. Некогда удмурты имели целый пантеон божеств и духов,

число которых доходило до 40⁴¹. Они олицетворяли различные стихии и силы природы: Ву-мурт (водяной), Нюлэс-мурт (леший), Тёл-пери (дух ветра), Шунды-мумы (мать Солнца), Му-кылдысин (божество Земли)⁴². Большинство богов и духов выступало в виде антропоморфных существ, в их именах часто присутствовал корень «мурт» (человек). Древние удмурты олицетворяли и многие болезни, которые принимали вид злых духов: кыль (горячка), кезек (лихорадка), пужы (корь), чача (оспа). Последние часто «навещали» людей, а те старались откупиться от них, угощали и провожали, как почетных гостей.

На вершине удмуртского Олимпа находился бог Инмар, который, по-видимому, имеет общефинское происхождение (финский Илмари, Илмаринен). Превращение его в верховного бога произошло сравнительно поздно, под воздействием ислама и христианства. А еще позднее он слился в народном представлении с христианским богом. У удмуртов были две формы семейно-родовых культов: святынь-покровителей и предков. Они связаны с двумя стадиями развития древнего общества – материнским и отцовским родом. Хотя родовая организация у удмуртов исчезла давно, пережитки обеих форм ее культов сохранились почти до наших дней. Еще в начале XX в. в каждой удмуртской деревне и едва ли не в каждой семье имелся свой воршуд – родо-семейная святыня. Воршудом обычно называли лубяной короб, в котором хранились предметы, имевшие символическое значение. Иногда воршудом становился деревянный идол, изображение гуся, лебедя. Хранился он на особой деревянной полке – Мудор (буквально «край» или «центр Земли») в Быдзым куа («Великая родовая куа») или в Покчи куа («Маленькая семейная куа») – специальной обрядовой постройке-святилище, где проводились моления в честь воршуда. Подобные постройки были известны почти всем финно-угорским народам от хантов и манси до финнов. Быдзым куа ныне почти не сохранились, а Покчи куа используются сейчас в деревнях обычно как летняя кухня. Каждый воршуд имел свое имя. Всего существовало около 70 воршудов. Наиболее известные из них – Бигра, Жикья, Пурга, Тукля, Чабья и др.⁴³ Некогда это были, по-видимому, названия удмуртских материнских родов, восходящие к тотемным предкам (животным, птицам, насекомым). Каждый знал, к какому воршуду он относится. Браки между удмуртами одного воршуда не допускались. В деревне было обычно два-три воршуда, им соответствовало число Быдзым куа, в каждом святилище мо-

лились члены только одного воршуда. Женщину называли обычно не по имени, а по ее воршуду. Воршуд имел очень сложное содержание. Это и святыня, хранящаяся в куале, и само божество – покровитель рода или семьи, и изображение его в виде женского амулета (дэндор), и совокупность родственников по материнской линии. Культ воршуда тесно связан с культом семейного очага. При перенесении воршуда на новое место брали три камня из очага старой «куа», часть золы (иногда с надочажного крюка состругивали несколько щепок) и уносили в новую «куа».

Значительно более стойкими оказались элементы культа предков. Носителем этой формы верований у удмуртов давно стала семья. Особенно ярко этот культ проявлялся в обычае поминок по умершим. Цель поминальных обрядов – умилоствление умерших, получение их покровительства и помощи. После поминок устраивались проводы гостей – духов умерших. После смерти родителей каждый удмурт должен был устроить особое жертвоприношение-благодарение: в честь отца жертвовали лошадь, в честь матери – корову. Приглашали родственников и устраивали пиршество. Обряд этот назывался «Йырпыдсётон» (буквально «жертва головы и ног»). Проведение обряда было обременительно для семьи, поскольку жертвенное животное стоило дорого. В наши дни «Йырпыдсётон» проводят редко и в измененной форме: для обряда просто покупают ноги и голову животного и считается, что обычай соблюден.

Другой комплекс самобытных верований удмуртов группируется в аграрные культы: почитание божеств, связанных с земледелием (Инмар, Му-кылдысин), ибо бессилие древнего земледельца заставляло его обращаться к богам. Аграрные обряды удмуртов можно разделить на зимне-весенние и летне-осенние. Из весеннего цикла наиболее ярким был праздник плуга/сохи – «Акаяшка», или «Геры поттон». В период созревания хлебов устраивалось большое моление и жертвоприношение богам с просьбой о хорошем урожае. В молениях участвовала вся деревня, носителем же культа выступала сельская община, иногда объединение нескольких деревень. Молился удмурт на поле и просил в своей молитве-куриськон: «О великий Инмар! Сделай так, чтоб хлеб хорошо уродился, чтоб был он с камышовой соломой, с серебряным колосом, с золотым зерном. Чтоб это хлебное поле не обскакать белке, не обежать лисице, не проскакать кунице». В последние годы большой популярностью пользу-

ется республиканский праздник «Гербер» («После пахоты»), который сочетает аграрные обрядовые традиции и инновации.

Начиная с XVI в. (документально с 1557 г.) удмурты стали переходить в православие⁴⁴. Массовая христианизация удмуртов произошла в XVIII в. На удмуртский язык начали переводить каноническую церковную литературу, наиболее активно этот процесс протекает в последнее время. Особо следует отметить подвижническую переводческую деятельность отца Михаила (доктора филол. наук М.Г.Атаманова). Современные удмурты имеют возможность читать на родном языке «Библию» («Новый Завет»), «Детскую Библию», «Молитвослов» и др., что связано также с общей активизацией церкви, популярностью религии и даже модой на нее в постсоветской России. Абсолютное большинство верующих удмуртов считается православными христианами, хотя точнее было бы говорить о сложной форме религиозного синкретизма среди удмуртов, о двух уровнях бытования религии: в домашней среде – древних форм верований, в официальной – христианства. Сохранились отдельные деревни (в них проживают южные и периферийные удмурты), которые не приняли христианства, некоторые удмурты перешли в суннитский ислам и тюркизировались. В последние годы в Удмуртии, как и в некоторых других регионах, появилось неоязычество, а также новомодные религиозные течения («Вера Бахай», «Общество Дианетики», «виссарионовцы» и др.), однако они, особенно последние, не пользуются особой популярностью.

Заключение

Таков в самом кратком, очерковом рассмотрении один из финно-угорских этносов северо-западного Приуралья. Издревле живя в географическом, этнокультурном цивилизационном пограничье, на стыке Европы и Азии, Великого Леса и Великой Степи, в ареале активного взаимодействия славянско-христианского и тюркско-мусульманского миров, удмурты тем не менее сохранили свое имя, язык, свою древнюю самобытную культуру. Вместе с остальными народами они прошли тысячелетний путь развития. За многие века они создали и развивают богатый, неповторимый, самодостаточный комплекс этнокультуры,

выработали сложную систему мироощущения и миропонимания, вписались в мировую цивилизацию, пусть не всегда поспевая за ее пугающими темпами. Это негромкий и даже тихий народ. Он никому не объявлял войны, никого не покорял, не завоевывал, по-крестьянски много и основательно трудился, жил как мог на своей не очень богатой земле.

Развитие удмуртского этноса, как и всех народов нашего многострадального Отечества, в новейшее время характеризуется большой сложностью и противоречивостью. Коренной перелом в жизни удмуртов произошел в 1917 г., вернее – в 20-30-е годы, когда в результате коллективизации исторически в одночасье был нарушен вековой неспешный темпоритм жизни удмуртского крестьянского мира, стали ломаться традиционные устои, деформироваться система жизнеобеспечения, духовная и материальная культура. Искусственно, а порой насильственно осуществлялись ускоренные масштабные социально-экономические преобразования, ложившиеся часто непомерным бременем на удмуртского крестьянина. Трудности мирной жизни многократно усилились тяготами и лишениями военного времени. Помимо Гражданской и Великой Отечественной войн, велась непонятная для большинства народа «внутренняя война», когда в результате массовых репрессий гибли лучшие представители народа, под корень была уничтожена почти вся еще только нарождавшаяся удмуртская интеллигенция. В результате труднейших испытаний истощились физические и духовные силы народа, появились неверие в перспективы, этнический нигилизм, социальная апатия. Протест принял пассивные формы (алкоголизм, печально знаменитый феномен удмуртского суицида).

Однако в последнее время появились надежды на лучшее.

Примечания

¹ Что касается зарубежного читателя, ему удмурты почти не известны. Хотя специальной литературы издается немало, особенно в Венгрии, Финляндии, Эстонии, однако первая обобщающая монография об удмуртах (Buch M. Die Wotjäken. Eine Etnologische Studie. Helsingfors, 1882) остается единственной. См.: Владыкин В., Шепталин А. Краткий обзор «удмуртских» изданий за рубежом (90-е годы) // Луч. Ижевск, 1996. № 7-8. С. 76-77.

² Основы финно-угорского языкознания; вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.

³ Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 55-56.

⁴ Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. Ч. 1. С. 7.

⁵ Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 296.

⁶ Дубов А.И. Антропологические характеристики северных и центральных удмуртов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы. Т. II. Устинов, 1987. С. 116-118.

⁷ Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 3. С. 255.

⁸ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999.

⁹ Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов. Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 13.

¹⁰ Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // Вопр. археологии Урала. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 57.

¹¹ Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопр. финно-угорского языкознания. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. IV. С. 274; Гришкина М.В., Владыкин В.Е. К вопросу о письменных источниках по истории удмуртов IX-XVII вв.: Мат-лы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

¹² Легенды и предания удмуртов // Зап. Удмурт. науч.-иссл. ин-та. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 90.

¹³ Луппов П.Н. Удмурты в XV-XVII веках. Ижевск, 1958. С. 11-12.

¹⁴ Гордеев Ф.И. Ирано-тюркские заимствования в марийском языке // Тезисы научной сессии по этногенезу марийского народа. Йошкар-Ола, 1965. С. 26.

¹⁵ Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты // Народы Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 2000. С. 428.

¹⁶ Сысоева М.В. Первые письменные сведения об удмуртах // ВФУЯ. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 249-309.

¹⁷ Генинг. Этногенез удмуртов... С. 276.

¹⁸ См.: Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905 (далее – Труды ВУАК). В этом источнике опубликован полный текст «Вятского летописца» со всеми разночтениями и обширным критическим разбором С.А.Верещагина. Однако в последние годы предпринимаются попытки снова ревизовать «Вятский летописец» и вернуться к ранним датировкам появления русских в крае. См.: Макаров Л.Д. Славяно-русское заселение р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII-XVI вв. // Мат-лы по истории Удмуртии. Ижевск: УдГУ, 1995.

¹⁹ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 38.

²⁰ Эмаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 11-13.

²¹ Костомаров Н.И. Собр. соч. Кн. 3. СПб., 1904. С. 139.

²² Сысоева. Первые письменные сведения... С. 299.

- ²³ Эмаусский А.В. Вятская земля... С. 24.
- ²⁴ Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб, 1869. Т. 6. С. 239
- ²⁵ Сказания русских летописцев о Вятке // Труды ВУАК. Вятка, 1905. Вып. III. С. 80.
- ²⁶ Там же. С. 79-80.
- ²⁷ Там же. С. 41.
- ²⁸ Вештомов А.И. История Вятчан ...с 1181 г. по 1781 г... // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее ИОАИЭ). Казань, 1908. Т. XXXIV. Вып. 1-2. С. 51-52.
- ²⁹ Лупшов. Удмурты в XV-XVII веках. С. 90.
- ³⁰ Центральный государственный архив древних актов (далее – ЦГАДА), ф. 131, 1699, ед. хр. 5, лл. 2-3.
- ³¹ Трефилов Г.Н. Бесермяне по письменным источникам // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск, 1967.
- ³² ЦГАДА, ф. 131, 1699, ед. хр. 2, ч. 1, л. 584.
- ³³ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 95.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 141, ед. хр. 95, л. 1.
- ³⁵ По археологическим данным земледелие на территории Удмуртии появилось в эпоху бронзы (Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С. 41).
- ³⁶ Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770-1772. Ч. 1. С. 163.
- ³⁷ Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 128, ед. хр. 177, л. 789.
- ³⁸ ГАКО. ф. 578, оп. 2, ед. хр. 4370, л. 1.
- ³⁹ ГАКО, ф. 170, оп.1, ед. хр. 72, л. 10.
- ⁴⁰ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Полит. лит-ра, 1965. С. 213.
- ⁴¹ Верещагин Г.Е. Этнографические материалы об удмуртах. Из рукописного фонда Удмуртского научно-исследовательского института. С. 221.
- ⁴² Полевые материалы автора.
- ⁴³ Худяков МГ. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 3. С. 353; Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001.
- ⁴⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 2, ед. хр. 4367.
- ⁴⁵ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994; Владыкин В.Е., Шепталин А.А. Камо грядеши? Удмуртия на перекрестках веры // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 165-173.